

Игорь Шестков "Комната, в которой нас нет"

КОМНАТА, В КОТОРОЙ НАС НЕТ

Комментировать фотографии абсурдо. Они сами себя комментируют в немом диалоге со зрителем. Комментировать собственные фотографии – абсурд вдвойне, это все равно, что комментировать собственные ноги или естественные отправления.

Тем не менее... организаторы выставки попросили меня сказать перед публикой несколько слов и я благодарен им за это, хотя глубокомысленно отмолчаться было бы конечно куда солиднее и безопаснее. Ведь что ни скажешь о фотографии – все будет неправильно, неточно, так она неоднозначна, противоречива. Поэтому я сделаю только несколько важных для меня замечаний.

...

Я фотографирую то, что вижу. Там, где живу. Гуляю и снимаю себе, понимая, что даже «просто так» сделанные фотографии глубоко субъективны, что они не «отражают действительность», а скорее «удваивают» ее, создают вертикальные складки на ровных пластах пространства, порождают извечные проблемы отражений, дубликатов, двойников, обладающих особым «вторичным» бытием.

...

Фотограф – человек за камерой – старается не нарушать своим присутствием естественного хода вещей, общается с миром через объектив, пытается не испугать бабочку. И оказывается на обочине, за бортом, вне существования. Становится отражением, проекцией, двойником самого себя, тенью. Сам превращается в бабочку. То же происходит и с писателем. И фотография и рассказ – свидетельства известного отстранения, устранения, отчуждения автора от мира. Шаг назад – в зазеркалье.

...

У меня нет желания создавать «профессиональную фотографию».

Абсурд, жуть существования смертных, конечных сущностей – растений, животных, людей, зданий – интересуют меня куда больше чем фотография сама по себе. Больше, чем композиция, глубина резкости или профит. Больше, чем сама реальность, плавающая в тумане неопределенности.

Я – эмигрант. Эмиграция превращает человека против его воли в вечного туриста. В нежить, в живой труп.

Я боролся, пытался прирасти к чужим корням и прорасти сквозь чужую почву свежим побегом. Потом признал поражение и смирился с ролью поверхностного наблюдателя, привидения, потусторонней бабочки, впорхнувшей в прихожую мещанина.

Фотография стоит между мной и реальностью как полупрозрачное зеркало. Она позволяет если не понять мир живого и неживого, то хотя бы его рассмотреть. Смотреть на мир «прямо» страшно, уж очень жесток и бессмысленен, разглядывать фотографию – приятно. Реальность уменьшена и поймана в капкан. Стреножена и обеззаражена. Автобус на фотографии никого не задавит. Собака никого не укусит. Фотография тещи не станет ворчать. Давно умерший отец не оживет. И бояться и плакать бесполезно. Прошлое прошло. Застыло.

Умерло. Умер и ты. Тот ты. А тот, кто на его месте – тебе неизвестен. Каспар Хаузер.

Живое и неживое уравнилось в правах – стало фотобумагой. Или последовательностью нулей и единиц.

...

Я не ищу мотивов, не поджидаю как папарацци фотографическую дичь. Не ворую и не конструирую. Мотивы приходят сами. Приходят и уходят.

Зафиксировать я могу только малую их часть. Лучшие – не сфотографируешь.

Они не поддаются искусственной материализации. И это – хорошо. Потому что фотография, как и любая другая техническая фиксация – это редукция.

Милая, прелестная, трепетная?

М...да, бедрашки недурны. Но грудка птичья, и кудряшки как у пуделя.

А глаза твои синие-синие...

...

Несколько месяцев назад я спросил одного опытного антиквара в Берлине: «Где можно купить или продать современные фотографии?»

Он ответил: «Нигде. Никого не интересует современность. Современные фотографии будут интересны людям только через 40 лет. Сейчас продаются фотографии, сделанные 40 лет назад или более раннее. Но, конечно, если вы засняли сажание на кол неверной жены в Конго или коитус принца Чарльза с бульдогом – приносите, поторгнемся».

Парадокс! Все сейчас фотографируют – цифровая техника сделала этот процесс легким и доступным – но никто не хочет смотреть фотографии – ни свои, ни чужие. Сфотографировал и забыл. Положил на какую-то полку. Потерял. Стер файл.

Фото папарацци живут несколько дней, рекламные фотографии – несколько месяцев, семейные фото хоронятся в толстых фотоальбомах, которые если и показывают родственникам и знакомым, то только чтобы похвастаться увиденными экзотическими достопримечательностями или позолоченной сантехникой в дорогой гостинице...

Папа, посмотри, это фото нашего отдыха на Майорке. Триста штук всего. Майкл играет в волейбол на пляже. Какой загорелый! Бетси пьет коктейль Дайкири. Все

было так прекрасно. Какие чудесные закаты!

...

Современный человек не хочет смотреть в зеркало. Не хочет остановиться, осмотреться и задуматься. Он бежит. Бежит как волк в поисках добычи. Ему тошно. Потому что он бежит не по ромашковому полю и не по лесной тропе к земляничной поляне – а по воняющей выхлопными газами рыночной площади, от одного гешефта к другому. Из отдела в отдел. С этажа на этаж. От двух тысяч пятисот к трем тысячам. От трех – к пяти, к десяти, к манящему за пузырящимся горизонтом миллиону, розовому толстяку, состоящему из глупой единички и шести волшебных нулей (миллион – это цифровая фотография счастья). Этот бег, этот марафон, начинается у западного человека почти с пеленок и продолжается до торжественного финиша – солидных похорон с лимузинами, вдовами, отпрысками, речами и черными повязками. Забывают бегуна впрочем сразу же после раздела наследства. Выбрасывают семейные фотоальбомы на помойку. Очищают память компьютера.

...

Самая большая загадка на свете – не жизнь на Марсе и не эволюция вселенной, а рутина, повседневная реальность, не инопланетные существа и не деяния андреевских эгрегоров, а наши близкие, друзья, враги, комнаты, дома, улицы, мы сами.

Даже до боли знакомое «я» постоянно ускользает от нас не только во времени, но и в остановленном мгновеньи. Но мы щелкаем и щелкаем в надежде разобраться в окружающем нас мире и в самих себе. Но так ничего и не понимаем.

За 22 года жизни в Германии, я встретил множество немцев, равнодушных к истории своего края, к своей культуре, не знающих не только своих соседей, но и своих прародителей, не понимающих самих себя. Людей, не умеющих или не желающих замечать те радикальные изменения, которые произошли с их родиной, с ее природой, с ними самими. Единственной жизненной мотивацией которых является – покупка, комфорт, приумножение капитала и продвижение по карьерной лестнице.

Зеркало таким людям невыносимо потому, что правда невыносима и

тошнотворна. Реальность невысказана. Вон из нее! Да здоровствует самообман. Мы бессмертны и счастливы. Вперед – к телевизору. Жалюзи вниз! В кресло. Налей-ка мне пива, милая! Или – в отпуск, в Лас-Вегас, в тропики, на Борнео. В гости к Чарли. Подальше от незваного гостя – самого себя. Ведь мы все – каспары хаузеры.

...

Мы не в ладах не только с самими собой – мы не в ладах со временем. И фотография, эта затянувшаяся на десятилетия ситуация, этот сыпавшийся, но никогда до конца не высыпавшийся песок, эти вечные улыбки, бочкообразные лица, застывшие глаза с красными зрачками, люди с поднятыми ногами, падающие от неправильной перспективы дома с кривыми стенами – все эти беззвучные свидетели убегающей от нас реальности – вызывают только боль и раздражение. Боль, когда мы видим на них улетучившиеся миры прошлого, дорогих нам умерших, дома и улицы нашей юности... Раздражение, когда видим самих себя. Обрюзгших, поглупевших, отчаявшихся, растерявших жен и друзей, потерявших свежесть и надежду.

Фотографии показывают нам, как мы постарели, как время пожирает плоть. Напоминают о том, что знакомый и привычный нам мир не вечен, что он постоянно изменяется, что он уже ускользнул, остался где-то позади и пришло нечто новое, неприятное уже в силу своей новизны. К этому новому надо приспособливаться, это новое надо подгонять под себя, а себя – под него. Надо нагонять убежавшее вперед время. Неизвестно, сладим ли мы с этим.

...

Фотография – двумерная машина времени.

Посмотрите на дом, где вы росли. Вглядитесь в лицо вашей старенькой бабушки. Здесь вы учились. А сюда – вы уже не вернетесь никогда.

Фотография дарит мгновению мнимое плоское существование, с полстолетия длящаяся вечность. Спасибо химии, спасибо солнечному свету. Сорок – пятьдесят лет, самое большее семьдесят – таков срок жизни современного фотографического снимка. Одна надежда на новую египетскую мумию – цифру. Числовой континуум – вот истинное поле для археологии будущего.

...

Когда я фотографирую, меня больше всего манит «временной» (а не пространственный, не цветовой, не конструктивный итд) аспект бытия. Это самое ускользание. Наше будущее вечное отсутствие. Комната, в которой нас больше нет.

Глядя в объектив, мы смотрим в будущее. Фотограф говорит нам – «улыбнитесь», потому что не хочет заражать будущее тоской обреченных.

...

Я не делаю цветных фотографий, цвет – это энергия, а не суть объекта. Гораздо интереснее форма – внешняя оболочка, скорлупа, рельеф, пластинка, на которой судьба процарапывает свои следы. Морщины, отвислости, пятна, выбоины, трещины, разломы – руины человека или здания – это знаки, письма, драгоценные послания времени. Графика фатума. Все это конфронтирует с светом. Это красиво или безобразно. Ради этого можно взять на себя грех удвоения реальности.

Лицо молодого человека интересно только педофилу. Ни характера, ни судьбы. Нет потерь, нет и лица. Одна нежная плоть досуществования. Лицо много пережившего человека – это карта его судьбы, зачастую – портрет судьбы целого поколения. К сожалению, оно часто лжет. Но эта ложь – тоже портрет.

...

Я фотографирую по случаю, без плана, стараюсь выбирать модели, отражающие характер и судьбу, а не только старость, не только образ сам по себе. Таков «Портрет девятидесятилетней женщины», пережившей бомбежку в Кёльне, бегство с детьми на восток, бегство от фронта на запад, послевоенный голод, три денежные реформы, кайзеровскую Германию, Веймарскую республику, Третий Рейх, ГДР и ФРГ... Таков и «Портрет восьмидесятилетнего мужчины», по происхождению поляка, сироты, воспитанного в еврейской семье, призванного в гитлеровскую армию и принужденного воевать против Польши, потом против СССР, дезертировавшего с товарищами в апреле 1945 года, пойманного и приговоренного к смерти, ожидавшего смерти, но по случайности не расстрелянного, прошедшего денацификацию...

...

Почти все фотографии, представленные на выставке сделаны в городе К..

Я жил там почти 13 лет. Наблюдал ремонт домов и улиц и распад личностей, постройку новых архитектурных чудовищ и разрушение старых романтических урбанических островков. Фотографировал я для того, чтобы не сойти с ума. Мои фотографии – единственное, что я мог противопоставить нахрапистому мороку жизни. Слабая защита!